

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ, КУЛЬТУРЕ ОТМЕНЫ И СУДЬБЕ ПОЭТА

А ведь 70 лет советской власти продолжают сказываться: даже деятели культуры, казалось бы, такие восприимчивые к добру и злу, обсуждают культуру *отмены* по-небожительно, будто с высокой горы. Непредвзято не имея в виду, что за каждой акцией — человеческая судьба, у каждой агрессии — своя конкретная жертва.

Русско-кыргызского поэта и переводчика Вячеслава Ивановича Шаповалова (1947—2022), на первый взгляд, трудно причислить к жертвам. Социально он состоялся на зависть многим: в науке — докторская степень и статус университетского профессора, в искусстве — автор многих книг. Орденосец, награды кыргызские и российские. Повсеместно уважаем.

Среди стихотворений Шаповалова, написанных в последние годы жизни, одно называется «Русский язык». Поэт прибег в тексте к излюбленному приему — псевдо-градационному ряду однородных членов, когда возрастание или убывание признаков по значению — иллюзия, а энергия накапливается естественным путем, синтагматически, к концу предложения.

Мой безгласный...
Литавры латыни
и норманнскую серую сталь,
Византии огни золотые,
тюркской степи звенящую даль —
всё ты сплавил в себе воедино,
боль и нежность, безмолвье и гром,
славу, лаву соборного гимна,
звездный мир и подземный разлом!

Здесь публицистичности все же чуть больше, чем обычно у Шаповалова, но история русской лирики и такие примеры знает («Клеветникам России»). И в том и другом случае прямота высказывания — выражение личной авторской позиции, лирический герой вынужденно уходит на второй план. Интересно посмотреть, чем в случае Шаповалова вызван такой пафос.

Так вышло, что ему выпало стать очевидцем снижения в Кыргызстане статуса русского языка — вплоть до попыток отмены. Оставим в стороне его личную боль — она никак не отразилась на судьбе, разве что съела несколько лет жизни (недоказуемо), однако в стихах воплотилась через

мотив *безъязычья*. Культурный подтекст итоговой книги Шаповалова «Безымянное имя» (М.: Русский Гулливер, 2021) таков: народ, выбравший отказ от постимперского (имеется в виду СССР) языкового приоритета (русский как обще- и наднациональный), ожидает *немота* (еще один мотив, постоянный у Шаповалова).

Но почему так? Разве приоритет национального языка для народа любой бывшей советской республики — не благо? Разве *культура отмены* не означает освобождение от внешнего диктата, от насилия и навязанных на уровне говорения когнитивных схем, чуждых данному народу? Разве законотворчество, делопроизводство, социальное устройство и др. не должны отвечать менталитету тех, ради которых все это осуществляется? Ментальность реализуется прежде всего через слова, это аксиома. К тому же за тридцать с лишком постсоветских лет выросло поколение, не желающее двуязычия, и оно имеет на это полное право.

Для Вячеслава Шаповалова и многих других, думающих в том же направлении, *культура отмены* с самого первого движения означала *отмену культуры*. Продолжив каламбурить, заметим, что *отмена* может быть созидательна, только пока *культурна*, то есть имеет некий предел, возле которого останавливается и не идет дальше. А иначе — костры из книг и снос памятников, чему мы, собственно, и становимся *холодными свидетелями*.

Отменяя русскую культуру на ныне самостоятельных национальных пространствах, мы тем самым отменяем и историю, которая тоже не только факты и статистика, но и реальная *совместность*, давшая, как мы знаем, множеству народов парадоксальный опыт идентичности. Появление национальных эпосов по-русски, публикация русских переводов национальных литератур позволяли не только титульным народам республик, но и сотням малых народностей увидеть себя в зеркале чужого языка и возгордиться собственной самостью. Любой отдельный менталитет, который мы так внимательно лелеем, становится особенным лишь в отражении, в сравнении; Нарцисс не смог бы понять, насколько он прекрасен, не случись рядом реки. Другое дело, что не стоит проводить всю жизнь или всю историю, глядя в воду... Вот почему цитированное стихотворение Шаповалова заканчивается: «Свет ликующий — // Русский Язык!»

Вячеслав Шаповалов получил государственные награды как раз за переводческую деятельность — он всю жизнь переводил не только кыргызских, но и других тюркоязычных поэтов на русский. Среди его работ — даже фрагмент из эпоса «Манас», по мотивам которого создана оригинальная поэма «Рождение манасчи» (так называется в Кыргызстане толмач эпоса). Жизнь на две культуры, естественное двуязычие воспитали в Шаповалове ощущение невозможности иного существования. И дерусификация кыргызской культуры ударила по нему крепко.

Шаповалов, конечно, понимал, что дерусификация национальных республик шла не изолированно от другого процесса — попытки *дерусифицировать саму русскую культуру*.

Мечта об интеграции в обобщенно-умозрительный «Запад» появилась в СССР из-за многолетней насильственной изоляции, жизни за «железным занавесом». Когда в 1980—1990-е он пал, в России почти сразу произошла смена школьной и вузовской экзаменационной парадигмы — принятие болонского стандарта. Что ж, чем не окно в Европу: пусть дети имеют возможность получать аттестаты и дипломы европейского образца, учиться и жить где хотят... Но мало кто вспоминает сейчас, что тогда же начал было действовать более сильный вектор — переход русской науки на английский с тем, чтобы русский оставался лишь языком бытового общения.

Можно, конечно, считать *диглоссию* вариантом *билингвизма*, оно как-то помягче выглядит; но лучше взглянуть на нее как на самостоятельный процесс, при котором существует разделение на высокое и низкое, сакральное и профанное. Первые позиции занял бы язык другой империи, Британской. Ментально ни на российских, ни на постсоветских территориях не укорененный вообще никак, историческим опытом совместной деятельности не подкрепленный ни в какой степени.

Шаповалов был билингвом. Диглоссия оказалась для него сначала пугающей, потом неприемлемой.

Почему же, почему? Ведь интеграция в «Запад» не хороша и не плоха, это выбор и судьба, ничего больше. Да, но до тех пор, пока интеграция не оценочна. Едва лишь Фрост как совокупность социокультурных смыслов оказывается на отметке «хорошо», а Пушкин — «плохо», сразу начинаются процессы, разрушающие единство народа — и народов. Мы уже в высочайшей степени интегрированы в западную культуру, о чем свидетельствуют книжные переводные залежи или музейные коллекции, где имеется приличный корпус если не артефактов Древнего Египта, то малых, допустим, голландцев или фламандцев побольше. Это прекрасная интеграция, нам бы довести ее *от Москвы до самых до окраин*; она порождает множество культурных смыслов, которые тоже хорошо бы нам усвоить *с южных гор до северных морей*. Это необходимое, хотя и не достаточное условие воспитания человека, умеющего думать и чувствовать, то есть человека культуры.

Казалось бы, ну что там горстка высоколобых, жаждущих диглоссии! Что они могут в стране со сколько-то миллионным населением? Однако несколько недавних лет мы прожили в *Рашке*; это было очень смешно — проект «Наша Раша», но по сути от «больной Р.» девяностых он отличался ненамного.

Империи за время функционирования нарабатывают, как правило, высокий культурный потенциал: воспевать власть нужно профессионально. И, например, собор Святой Софии до сих пор остается одним из чудес света именно потому, что мастерство исполнителей работ гарантировалось имперским характером заказа. Когда же империи рушатся, социальные механизмы слабеют, но культурные — нет: в естественных условиях их хватает еще лет на триста, причем, как правило, за это время и расширяется тематическое поле для художников, и расцветает формотворчество. Эта ситуация у Вячеслава Шаповалова описана объемно:

...во дни сомнений гремит сквозь ад
бездомный имперский язык,
блещет стеганный рваный халат,
в курджуне — яблоневый сад...
(«Киргизия. Кукурузный Христос»)

Единственное условие: не разрушать культурный потенциал намеренно. Тогда в памяти о былом величии содержится зерно *достоинства* народа.

Не задумайся Россия об отказе от самой себя, не возникла бы отмена культуры в бывших союзных республиках. Потому что залог величия — *самостоянье*, а не поиск подпорок вовне. Самостоянье не исключает критический взгляд, признание пороков и даже преступлений. Сильного признание не свалит, а лишь укрепит. Только в таком случае возможна *отмена отмены*.

Когда сам народ — или интеллектуальная элита, открещивающаяся от него и решающая его судьбу, — отказывается иметь достоинство, остается только надеяться, что уцелеют хотя бы единицы тех, кто будет о нем помнить. Вячеслав Шаповалов был из них.

На берегу три идола могли ведь
еще надежду побережь в тепле,
слепые очи девственница Лыбедь
дарует зрячей сумрачной толпе,
и на устах, что вымазаны кровью —
чужой молитвы бессловесный рык:
в пути от православья к празднословью
отвергнут христианнейший язык.
Они идут, свергая храм за храмом
и капища надстраивая ввысь,
где их отцы под прапором багряным
всё предали, что защищать клялись.
(«Факелоносцы»)

...Однажды мне довелось поделиться с Шаповаловым неожиданным наблюдением. Почитав пособие по литературе для московской англо-американской школы, я заметила, что интерпретация текста по этой методике практически безгранична и «Солнечный круг, небо вокруг...» можно объяснить как космогоническую картину мира. Вячеслав Иванович очень смеялся. Смех казался горьковатым. При всей традиционной российской открытости *во все концы света* недурно все-таки в первую очередь помнить, кто такие мы сами. Может быть, вспомним сейчас?.. Тогда, например, вся огромная переводческая работа поэтов поколения Шаповалова и старше окажется ненапрасной. Вновь обретут ценность народные эпосы по-русски. И вдруг государства, ранее объединенные насильственно, потянутся друг к другу добровольно.